

Пролог

Я все время задаюсь вопросом, почему, если мы с Ником порвали больше года назад, мне больно сейчас. В какой-то момент, чтобы ни с кем не столкнуться, я съехала на обочину, заглушила двигатель и, держась за руль, заплакала.

Я оплакивала то, что между нами было, то, что могло бы быть... Оплакивала его, то, что разбила ему сердце, принесла разочарование, заставила открыться любви, но только для того, чтобы показать, что любви не существует, по крайней мере, без боли, и что эта боль способна оставить шрам на всю жизнь.

Оплакивала ту Ноа, которой была с Ником: полную жизни Ноа, которая, несмотря на внутренних демонов, умела любить всем сердцем; ведь я люблю его больше чем кого-либо, и это я тоже оплакивала.

Когда встречаешь человека, с которым хочешь провести всю жизнь, пути назад нет. Многие никогда не познают этого чувства, думают, что нашли его, но ошибаются. Я знала и знаю, что Ник — любовь всей моей жизни, тот человек, который должен был стать отцом моих детей, тот, кого я хотела видеть рядом в горе и радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас.

Ник и есть *тот самый*. Он — моя половина, но пришло время научиться жить без него.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ПРИМИРЕНИЕ

НОА

Десять месяцев спустя...

В аэропорту стоял оглушительный шум, люди суматошно двигались, волоча за собой чемоданы, подхватив детей, передвигая тележки. Я разглядывала табло в поисках следующего пункта назначения и точного времени посадки. Мне не хотелось идти в одиночку, никогда не любила самолеты, но не было другого выхода: теперь я одна, только я, и больше никого.

Я сверила время и снова подняла взгляд на табло. Я приехала заранее, поэтому у меня было время, чтобы выпить кофе в терминале и немного почитать в надежде, что это принесет успокоение. Я подошла к рамке металлоискателя, честно говоря, не люблю через них проходить, потому что у меня вечно что-нибудь звенит. Простая причина моих несчастий в местах, куда я отправляюсь, кроется в металлоискателях. Видимо, как многие говорят, у меня и правда железное сердце. Я положила рюкзак на конвейерную ленту, сняла часы и браслеты, кулон — кстати, давно следовало его снять, — сложила все в кучу вместе с телефоном и мелочью из кармана.

— Обувь тоже, мэм, — уставшим голосом сказал молодой охранник. Я поняла, что его работа утомительная

и монотонная и, видимо, изнуряющая совершением повторяющихся действий. Я положила белые конверсы в корзину и мысленно порадовалась тому, что на мне носки без смешного рисунка или чего-нибудь, за что могло бы быть стыдно. Пока вещи ехали по ленте, я прошла через рамку металлоискателя, и, разумеется... она запищала.

— Пожалуйста, встаньте здесь, вытяните руки и расставьте ноги, — сказал охранник, и я вздохнула. — У вас есть какие-нибудь металлические, острые предметы или...

— У меня ничего нет. Не знаю почему, но рамка всегда на меня срабатывает, — я начала оправдываться, пока он проводил по мне металлоискателем. — Наверняка это пломба.

Мой ответ рассмешил охранника, и мне вдруг захотелось, чтобы он убрал от меня руки.

Когда он отошел и позволил пройти, я забрала вещи и направилась в *дьюти-фри*. Может, взять огромный «Тоблерон»? Отличная идея. По-моему, только это доставляет мне удовольствие в аэропорту. Я взяла два, положила в ручную кладь и отправилась искать выход на посадку. Аэропорт Лос-Анджелеса был большим, но, к счастью, мой выход находился близко. Путь к выходу наполовину состоял из коврового покрытия с указателями, стрелками под ногами и обвешан тысячами табличек со словами «До встречи» на десяти разных языках. Так я дошла до выхода. В зале ожидания было мало пассажиров, поэтому я спокойно вошла, предъявив паспорт и билет. Войдя в самолет, села, вытащила книгу и принялась есть «Тоблерон».

Все шло неплохо, пока мне на колени не упало письмо, заложенное между страницами, напомнив о том, что я поклялась забыть и похоронить. От образов в голове к горлу подступил ком, и сегодняшнее спокойствие оказалось нарушено.

Девятью месяцами ранее...

Новость об отъезде Николаса стала для меня неожиданностью. Очевидно, по его просьбе никто ничего мне не рассказывал. Даже Дженна не говорила о Нике, хотя я знала, что они виделись. Когда они с Лайоном пошли к Нику, переживания подруги отразились на ее лице. Она оказалась между молотом и наковальней. И это было еще одним пунктом, который нужно включить в список обвинений.

Мы с Николасом больше не виделись, но его действия не заставили себя ждать. Несколько коробок с моими вещами пришли почти через две недели после расставания, и, увидев «Н» на коробке с животными, я разрыдалась. Наш бедный котенок, теперь мой... Мне пришлось оставить его маме в старом доме из-за сильной аллергии моей соседки по квартире. Трудно было расстаться с ним, но у меня не было выбора.

Этот полный слез период моей жизни я называю «темной полосой». Таким он и был: я находилась внутри туннеля в крошечной темноте, из которого не могла выбраться. Не помогали ни свет нового дня, ни свет лампы рядом с кроватью. Почти ежедневно у меня были панические атаки, пока, в конце концов, мой врач не направила меня к психологу.

Поначалу я и слышать не хотела о психологах, но именно он мне и помог. Я начала просыпаться по утрам и делать то, что делают все люди... до той ночи, когда поняла, что, если Ник уедет, все будет потеряно, и на сей раз навсегда.

Я узнала о его отъезде из разговора в кафетерии кампуса. Боже, даже в университете знали о Нике больше, чем я.

Одна девушка сплетничала о моем парне — извините, бывшем парне — и сообщила, что его отъезд в Нью-Йорк произойдет через несколько дней.

В этот момент что-то овладело моим телом, заставило сесть в машину и поехать к нему. Мне удавалось избегать мыслей об этом месте и произошедшем, но я не могла его отпустить. По крайней мере, не увидевшись и не поговорив с ним. В последний раз я видела его в ту ночь, когда мы расстались.

С трясущимися руками, едва держась на ногах, я шагнула в подъезд Ника. На лифте поднялась на его этаж и встала перед дверью.

Что я могла ему сказать? Что я могла сделать, чтобы он простил, чтобы не уезжал, чтобы снова полюбил?

Я позвонила в дверь, чувствуя страх и находясь уже почти на грани обморока. Такой он увидел меня, когда открыл дверь квартиры.

Сначала мы просто молчали, смотря друг на друга. Он не ожидал увидеть меня. Уверена, что он хотел уйти, не оглядываясь, забыть обо мне и сделать вид, будто меня никогда не существовало, но не рассчитывал, что я не сдамся.

Напряжение было почти осязаемым. Ник потрясающе выглядел: темные джинсы, белая футболка и слегка взъерошенные волосы. Сказать, что он был невероятен, — ничего не сказать: он всегда был таким, но этот взгляд, внутренний свет, который всегда озарял его лицо, когда он видел меня, теперь погас, больше не было той магии, которая околдовывала нас, когда мы стояли друг перед другом.

Я увидела его таким красивым, таким высоким, таким моим... будто мне показывали в наказание, что я потеряла.

— Зачем ты пришла? — его голос, жесткий и холодный как лед, вывел меня из ступора.

— Я... — ответила я дрогнувшим голосом. Что я могла ему сказать? Что нужно было сделать, чтобы он снова посмотрел на меня так, как будто я была его светом, его надеждой, его жизнью?

Он, казалось, даже не хотел меня слушать, потому что уже собирался захлопнуть перед моим носом дверь, но я приняла решение: если придется сражаться, буду сражаться. Я и не думала отпускать его. Я не могла его потерять, так как без него я не выживу. Было больно видеть его передо мной и не иметь возможности попросить обнять, успокоить боль, которая поглощала меня изо дня в день. Я шагнула вперед и, проскользнув в щель, пробралась в квартиру, вторгнувшись в его пространство.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спросил он, следуя за мной, когда я направилась напрямик в гостиную. Комнату было не узнать: повсюду стояли коробки, чехлы покрывали диван и тумбочку в гостиной. Воспоминания о том, как мы вместе завтракали, как целовались на диване, как смотрели фильмы, как он готовил мне завтрак, как я стонала от удовольствия среди этих подушек, когда он целовал меня до состояния, когда я уже не могла дышать...

Все исчезло. Ничего не осталось.

Слезы начали литься из моих глаз, и я, не в силах сдержаться, повернулась к нему.

— Ты не можешь уехать, — проговорила я срывающимся голосом; он не мог оставить меня.

— Убирайся, Ноа, я не собираюсь это выслушивать, — ответил он, замерев на месте и крепко сжимая челюсть.

Тон его голоса заставил меня вздрогнуть, и я окончательно потеряла контроль. Нет... черт, нет, я не уйду, по крайней мере, без него.

— Ник, пожалуйста, я не могу потерять тебя, — жалобным голосом взмолилась я. В моих словах не было ничего особенного, но они были искренними, совершенно искренними, я правда не выжила бы без него.

Николас, казалось, дышал все более и более взволнованно, мне было страшно, что я слишком сильно давлу на него, но раз уж назвался груздем — полезай в кузов.

— Проваливай.

Его приказ был ясен и лаконичен, но я послушалась, как делала всегда... и не думала меняться сейчас.

— Разве ты не скучаешь по мне? — спросила я, и мой голос сорвался на половине вопроса. Я оглянулась, а потом снова посмотрела на него.

— Потому что я едва могу дышать... едва могу просыпаться по утрам; засыпаю, думая о тебе, просыпаюсь, думая о тебе, плачу о тебе...

Я вытерла рукой слезы, Николас сделал шаг вперед, но не с намерением успокоить, а совсем наоборот. Он крепко схватил меня за руки. Слишком сильно.

— И что, по-твоему, я должен сделать? — сердито спросил он. — Ты, черт возьми, сломала меня!

Ощутить его руки на своей коже, каким бы уродливым ни был этот жест, оказалось достаточно, чтобы придать мне сил. Я так скучала по его прикосновениям, что почувствовала прилив адреналина.

— Мне очень жаль, — извинилась я, опустив голову, потому что одно дело — чувствовать его, и совсем другое — видеть ненависть в его прекрасных светлых глазах. — Я совершила ошибку, огромную, непростительную ошибку, но ты не можешь позволить этому положить конец нашим отношениям. — Я подняла глаза. На этот раз мне нужно было, чтобы он поверил моим словам, увидел в моем взгляде, что я говорю искренне. — Я никогда никого не полюблю так, как тебя.

Мои слова, казалось, обожгли его, потому что он убрал от меня руки, отвернулся и в отчаянии схватился за волосы, сжался и снова посмотрел на меня. Он выглядел опустошенным. Казалось, он вел самую тяжелую битву в своей жизни.

Наступила тишина.

— Как ты могла? — спросил он несколько секунд спустя, и мое сердце снова забилося, услышав, как его голос сорвался на последнем слове.

Я нерешительно сделала шаг вперед. Я ранила его. Мне просто хотелось, чтобы он сжал меня в своих объятиях и сказал, что все уладится.

— Я не помню... — призналась я срывающимся от волнения голосом. Это было правдой, я ничего не помнила, мой разум заблокировал это воспоминание. В ту ночь, в ту роковую ночь, я была так потрясена мыслью, что он сделал то же самое, изменил мне, и я даже не смогла остановить его, позволила ему сделать это. В тот момент я была настолько разбита, что просто забылась. *Ничего, что не имеет к тебе отношения, не остается в моих воспоминаниях.* — Ник, мне нужно, чтобы ты простил меня, чтобы снова смотрел на меня как раньше, — голос начал жалко срываться, сердце болело от того, что я видела его прямо перед собой, но не чувствовала рядом... — Скажи, что я могу сделать, чтобы ты простил меня...

Он недоверчиво посмотрел на меня, как будто я просила о чем-то невозможном, будто из моих уст выходили только бессвязные и нелепые вещи.

И да, я чувствовала себя нелепо, ведь разве могла бы я простить измену? Измену Ника?

Я почувствовала сильную боль в груди, и этого было достаточно, чтобы узнать ответ... Нет, конечно, нет, от одной только мысли об этом мне захотелось дернуть

себя за волосы, чтобы стереть образ Ника в объятиях другой женщины.

Я вытерла слезы предплечьем и поняла, что все бесполезно. Несколько мгновений мы молчали, и я знала, что должна уйти, но не могла вынести этого чувства, потому что потеряла Ника и, как бы ни умоляла, ничего не могла с этим поделать.

Слезы продолжали стекать по моим щекам, я понимала, что сейчас будет прощание. *Прощай...* Боже мой, прощаться с Ником! Как все до этого дошло? Как прощаться с человеком, которого любишь и в котором нуждаешься больше всего в жизни?

Я уже направлялась к двери, но, когда проходила мимо него, Ник встал передо мной и, к моему удивлению, поцеловал. Его руки схватили меня за плечи, прижав к нему, и я замерла, ощутив поцелуй, которого не ожидала.

— Почему, черт возьми? — посетовал он секунду спустя, крепко сжимая меня в объятиях.

Я поймала его лицо в свои руки, но он не дал мне времени, чтобы проанализировать, что произошло, потому что моя спина врезалась в стену гостиной. Он удерживал меня, когда его губы нашли мой рот, и он яростно целовал меня. Я отчаянно притянула его к себе. Его язык вошел в мой рот, руки спустились по моему телу. Но потом что-то изменилось: его действия и поцелуи стали настойчивее, жестче. Он оторвался от моих губ и прижал к стене, не давая пошевелиться.

— Тебя не должно быть здесь, — сердито пробормотал он, и, открыв глаза, я заметила, как по его щекам потекли слезы. Я никогда не видела, чтобы он плакал.

Почувствовала, что мне не хватает воздуха, я поняла, что нужно уйти, что мы делаем все неправильно, что все это неправильно, очень неправильно. Хотелось погладить

его по щеке, вытереть слезы, крепко обнять и просить прощения тысячу раз. Не знаю, что в тот момент передавал мой взгляд, но в глазах Ника, казалось, вспыхнуло что-то, что можно было бы назвать яростью, яростью и болью, глубокой болью, что была мне хорошо знакома.

— Я любил тебя, — заявил он, зарываясь лицом в мою шею.

Я заметила, что он дрожит, и мои руки обняли его так, будто не хотели никогда отпустить.

— Я любил тебя, черт возьми! — повторил он, повысив голос и отстраняясь от меня.

Николаас сделал шаг назад, посмотрел на меня так, словно впервые видел, опустил взгляд в пол, а потом снова поднял к моему лицу.

— Убирайся и даже не думай возвращаться.

Я посмотрела ему в глаза и поняла, что все потеряно. Слезы рвались наружу, но в них уже не было и следа любви, только боль и ненависть, и я ничего не могла с этим поделать. Я верила, что смогу вернуть его, что любовь, которую я испытывала к нему, вернет его, но как же ошибалась. От любви до ненависти один шаг... и это было именно то, чему я была свидетелем.

Это был последний раз, когда я его видела.

— Мисс, — произнес голос рядом со мной, заставляя вернуться в реальность.

Я подняла взгляд от письма и увидела стюардессу, которая с нетерпением наблюдала за мной.

— Да? — ответила я, и книга с «Тоблероном», лежавшие у меня на коленях, упали на пол.

— Завершается посадка, не могли бы вы дать мне свой билет?

Я огляделась. Черт, я была единственной, кто остался в зале. Заметив двух стюардесс, наблюдавших за мной

из дверного проема, выходящего в рукав, ведущий к самолету, я встала с кресла. Черт!

— Простите, — извинилась я, хватая рюкзак и ища в нем паспорт и билет. Девушка взяла билет и направилась к двери. Я последовала за ней, бросив быстрый взгляд на зал ожидания, чтобы убедиться, что ничего не оставила, и стала ждать.

— Ваше место в конце справа... Желаю приятного полета.

Я кивнула, входя в посадочный рукав, и почувствовала дискомфорт в желудке.

Шесть часов до Нью-Йорка — вот что меня ожидало.

Полет длился вечность. Я даже представить себе не могла, какая температура сейчас в Нью-Йорке, потому что была середина июля, и хорошо, что мое пребывание там будет довольно коротким, потому что у него была только одна причина.

Выйдя из самолета, я направилась прямо на вокзал. Меня ожидала короткая поездка на поезде от аэропорта до станции Ямайка, где я сяду на другой поезд, который доставит в Ист-Хэмптон. Я все еще не могла поверить, что посещаю такое снобистское место, и никогда бы тут не оказалась, если бы Дженна, ох, Дженна, не захотела устроить здесь свадьбу; она месяцы напролет организовывала ее и хотела выйти замуж исключительно в Хэмптоне, как богатая американка. У ее матери был особняк в этом районе, где они проводили почти каждое лето, и Дженна любила это место, потому что именно с ним были связаны все ее детские воспоминания. Загуглив, я узнала, что дом стоит миллионы, и была ошарашена.

Дженна сказала, что хотела бы, чтобы я приехала за неделю до свадьбы. Был вторник, а уже в воскресенье моя лучшая подруга навсегда перестанет быть одинокой. Многие говорили, что жениться в девятнадцать —